

Цербер

АЛЕКСАНДР ГОНОРОВСКИЙ
ИЛЬЯ ЕГАРМИН

Цербер

Найди убийцу,
пусть душа твоя
успокоится

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Гоноровский, Александр Александрович.

Г65 Цербер. Найди убийцу, пусть душа твоя успокоится / Александр Александрович Гоноровский, Илья Николаевич Егармин. — Москва : Эксмо, 2024. — 400 с.

ISBN 978-5-04-189681-2

1826 год. После подавления восстания на Сенатской площади и арестов, в Петербурге происходит серия жестоких убийств тех, кто доносил на декабристов. Возле своих жертв убийца оставляет записку со строчкой из стихотворения молодого поэта Александра Пушкина. За дело берутся московский сыщик Лавр Петрович Переходов и дворянин Александр Бошняк. Но это дело — повод к расследованию иных преступлений.

История, которая легла в основу сериала «Цербер».

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189681-2

© Гоноровский Александр Александрович,
Егармин Илья Николаевич, текст, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Содержание

ДЕКАБРЬ 1825 — МАРТ 1826	11
МАРТ 1826	17
ИЮЛЬ 1826	103
ИЮНЬ 1826	107
ИЮЛЬ 1826	134
ИЮЛЬ 1825 — ИЮЛЬ 1826	191
ИЮЛЬ 1826	198
АВГУСТ 1826	206
НОЯБРЬ 1825	274
АВГУСТ 1826	278
СЕНТЯБРЬ 1826	353
ВЫМЫШЛЕННАЯ ИСТОРИЯ, ОСНОВАННАЯ НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ	355
ОБ АВТОРАХ РОМАНА «ЦЕРБЕР»	395

*Где ж ты, милая моя?
Твой платок цветастый где?
Где ж ты, милая моя?
Я скучаю по тебе.*

*Улетел тот голубок,
Что крылами нас хранил.
Улетел тот голубок.
В сердце нету больше сил.*

*Я пойду, возьму кистень
И наделаю делов.
Я пойду, возьму кистень,
Раз не слышу твоих слов.*

Был мне сон, будто я собака о трёх головах
и стою посреди поля, а за мной плоская,
как стена, тьма египетская. За стеной
крики, гармошка воет. Я же никого через
границу эту пропускать не должен. В поле
пусто. Всё живое от страха разбежалось.

А тут ещё я со своими мордами. Ноги-
брёвна от росы мокрые. Смотрю шестью
глазами своими, и такая тоска меня
берёт! Всё имя её вспомнить пытаюсь —
и не могу. И живу лишь одной надеждой,
что она снова пройдёт мимо.

«Цербер и Эвридика»

Мы умрём. Ах, как славно мы умрём!

Александр Одоевский, поэт

декабрь 1825 – март 1826

Генерал Бенкендорф подумал о несомненной пользе доносов. После декабрьского мятежа минуло уже три месяца. Но доносов в Петербурге стало больше, чем любовных писем. В них было всё — от желания продвинуться по службе до надежды, что именно ты, блоха божия, определишь судьбу России. Как же сладостно и необычно желание владеть миром при помощи листа бумаги и гусяного пера! Бенкендорфу впервые пришло на ум, что доносы уже управляют государством. Иначе как отнестись к душной допросной комнате, к странной череде достойных и лично ему знакомых лиц, которых он видел на балах, на плацу, в приёмной государя?

В пасмурной зале в изразцовой печи потрескивал огонь. Долговязый истопник с медным лицом, в жёстком толстой кожи фартуке, скрипнул чугунной дверцей, бросил в пламя полено.

Бенкендорф расстегнул верхнюю пуговицу мундира. Взгляд скользил по закапанному воском зелёному сукну стола, по фигурам сидящих в ряд боевых генералов — членов следственной комиссии. Во главе — белый пухлый розовощёкий старик, военный министр Татищев. Лицо доброе и растерянное. Таким оно становилось, когда Татищев тревожился о своём недуге. Бенкендорф это знал. Татищеву стало трудно мочиться. Иногда прямо посреди допроса он вставал

и уходил облегчить мочевой пузырь. Это расстраивало допрашиваемых. Из-за обманчиво доброго лица они искали в Татищеве сочувствия и покровительства.

Мятежники говорили охотно. Протокола никто не вёл. Только откровенно скучавший флигель-адъютант Адлерберг делал короткие записи в журнале заседаний. После допроса мятежники сами заполняли допросные листы.

Первым к вечернему допросу был доставлен подполковник Поджио. За полгода до мятежа он ушёл в отставку и жил в имении матери. Она хворала и не хотела отпускать от себя сына.

— Глава Южного общества¹ полковник Пестель предлагал введение республиканского правления, а также истребление государя и всей императорской фамилии. — Поджио говорил спокойно, не врал, не юлил. — В разговоре со мною сосчитал по пальцам число жертв, включая детей и особ женского пола.

— Сколько же вышло? — поинтересовался Бенкендорф.

— Не помню, — просто ответил Поджио. — Но я был с ним согласен.

«Двадцать три... Двадцать четыре... Двадцать пять...» — всплыло вдруг в памяти Бенкендорфа. В дрожащем свете факелов ротмистр Конногвардей-

¹ Южное общество декабристов — одна из двух, наряду с Северным обществом, основных тайных организаций декабристов. Создано в марте 1821 года на базе Тульчинской управы Союза благоденствия. Возглавляла общество Директория в составе П.И. Пестеля, А.П. Юшневского и С.И. Муравьёва-Апостола. (*Здесь и далее прим. авт.*)

ского полка барон Каульбарс считал трупы. Ночью, после восстания, солдаты таскали убитых с Сенатской площади и складывали у забора. За ним поднимался над Петербургом чёрный скелет недостроенного Исаакия.

— Тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть... — голос барона звенел от холода.

— Поспешай! — крикнул солдатам стоявший рядом с бароном прапорщик, имени которого Бенкендорф не знал. — К рассвету чтоб ни одного на площади не осталось!

Двое солдат подтащили раскинувшийся окоченевший труп гвардейца с тёмной раной на груди...

— По ближним дворам пройти следует, — сказал барон. — Может, там кто...

— Рыскаем, словно грибы в темноте ищем, — недовольно ответил прапорщик.

На допрос пригласили капитана Нелетова. Совсем юнец, с пушком над верхней губой и ещё румяными от мороза ушами. Нелетов не был преступником. Сам пришёл. В его рассказе сквозила еле уловимая радость, что вот он здесь и сейчас изобличает, помогает восстановить справедливость.

— После смерти императора Александра Павловича, — голос Нелетова отдавался под сумрачными сводами, — среди солдат был распушен ложный слух, что цесаревича Константина намеренно лишили законного престолонаследования. О том, что заговорщики хотят обманом вывести гвардию из казарм, я предупредил своего начальника полковника Шебеку за три дня. Четырнадцатого декабря на Сенатскую площадь не выходил. Слышал только, что убили генерал-гу-

бернатора Милорадовича и что мятеж к вечеру был подавлен картечью.

— Можете назвать имена известных вам заговорщиков? — спросил Татищев.

— Могу, ваше высокопревосходительство.

— Пятьдесят пять... Пятьдесят шесть... Пятьдесят семь... — барон Каульбарс не заметил подошедшего Бенкендорфа.

Трупы лежали в несколько рядов.

Один из мертвецов сел, обхватив руками голову.

— Лекаря сюда! — крикнул барон и добавил тихо: — Пятьдесят шесть.

— Все здесь? — спросил прапорщик.

— Так точно, все... — глухо донеслось из темноты...

— План истребления монарха нашего Александра Павловича и всей императорской фамилии не нашёл поддержки в Северном обществе, — говорил следующий допрашиваемый, Никита Муравьёв. — Мы считали, что власть, обогрённая кровью, будет посрамлена в общественном мнении...

— Стройся! — ломким на морозе голосом командовал прапорщик.

Мимо Бенкендорфа сквозь снег спешили озябшие солдаты. Их глаза радостно блестели. Трудная ночь подходила к концу. Можно отправиться в казарму и делать то, что и положено солдату в сильном государстве, — есть и спать.

Последней в ряду мёртвых лежала девушка в лёгкой шубке, с удивлённо распахнутыми глазами. Казалось, она только вышла из дома навстречу свежей морозной ночи. На зрачки падали снежинки.

Барон негнушимися пальцами ухватил из табакерки щепотку. Вышиб табаком слезу. Растёр нос. Протянул табакерку товарищу:

— В России всё одно: либо кровь, либо воровство.

— А то и всё разом, — отозвался прапорщик.

Бенкендорф подумал, что за допущение подобных бесед нужно сделать внушение барону, но после за-памятовал.

После допроса капитан Нелетов направился домой. Ещё встречались редкие запоздавшие прохожие. Их тени появлялись и исчезали в пятнах фонарного света. Нелетов шёл пружинящим, почти строевым шагом, плотно ставя подошву сапога в снег. Он собирался купить матери леденец, но время ушло, и лавки давно были закрыты. Нелетов назвал всех заговорщиков — и даже больше. Досталось и невинному капитану Кислицыну, которого он просто терпеть не мог. Кислицын вечно насмехался над ним, над его выправкой и мнением о строении государства. Нелетов не то чтобы оговорил Кислицына нарочно. Его фамилия просто вырвалась сама собой. Он хотел было вернуть её назад, сказать, что оговорился, но следственная комиссия смотрела строго и уже ожидала следующее имя. Было неловко. Да. Но ничего не поделаешь, раз так. Разберутся как-нибудь, решил Нелетов и взлетел в воздух. Его ноги болтались в полуметре над снежной мостовой. Мыслей не случилось. Лишь перехватило дыхание. Капитан Нелетов пребольно стукнулся всем телом о сани и потерял сознание.